

*Священные земли, Главная обитель,
4 яблоня¹ 1025 г. эры гедонизма*

ГЛАВА 1

ХОНДИ.

Худшее из пророчеств

В пещере сладко пахло хурмой, завезенной к нам из садов возле Рива-Рацо. Здесь, в темноте и прохладе, обложенная мягкими бананами, она спела гораздо быстрее, чтобы успеть как раз к Празднику богов².

Я сидела за сквозной перегородкой из тростника, затаив дыхание. Сердце стучало так сильно, что я боялась, оно меня выдаст. Пару часов назад я прошла инициацию и стала младшей говорящей, но уже умудрилась нарушить предписание. Мне нельзя было заходить в Зал Совета, но я была уверена — ночью тут не будет ни души. Однако Ирида — Первая говорящая — не отправилась

¹ Девятый из двенадцати месяцев года.

² 19 яблоня. В этот день принято сажать деревья и готовить блюда из хурмы.

отдыхать после церемонии, а пришла сюда почти сразу же после меня.

Я едва успела спрятаться.

Ирида зажгла факелы на колоннах и села на круглый пуф из меха коалы. Вздохнула шумно, массируя виски. Я замерла всего в паре шагов позади нее, и оранжевый свет пламени выдавал меня, заглядывая в отверстия между узорами перегородки. Я не решалась отодвинуться в темноту. В этой опасной тишине я боялась даже шороха собственных ресниц и молилась, чтобы пришел кто-нибудь еще и своим шумом скрыл мое присутствие.

Наконец раздались шаркающие шаги — это брел скрюченный, как забитый неумехой гвоздь, старик Маккин в своих стоптанных шлепках.

Он смахнул со лба длинные волосы и долго стоял возле своего пуфа, не садясь, хотя ноги держали его с трудом.

— Как это понимать, Ирида? — спросил он хриплым от постоянного курения датуры¹ голосом и указал на черный ящик, стоявший перед Первой.

— Подождем остальных, — спокойно сказала она. — Я все объясню, когда Совет соберется.

По чуть-чуть отползая в тень во время каждого приступа кашля Маккина, я смотрела, как входят остальные говорящие и рассаживаются

¹ Другое название — дурман-трава.

вокруг стола, выдолбленного в каменном полу пещеры и украшенного разноцветной смальтой и ракушками с берегов озера Спасенных.

— Ирида! — всплеснула руками Ола, ждущая дитя и оттого похожая на гусеницу в своем зеленом платье, которое давно стало ей мало. — Да не оставят нас боги! Кто посмел? Кто додумался принести сюда эту мерзость? Она оскверняет Священные земли и оскорбляет богов!

Я невольно подалась вперед и прижалась к перегородке. Мое горло от волнения превратилось в пересохший ручей. Значит, это правда: пока я проходила инициацию, человек из Рива-Рацо привез странный ящик, который играет музыку, поет песни и разговаривает разными голосами. Младшие отзывались о нем с таким восторгом, что я поняла — не прощу себя, если не взгляну на эту диковинку, прежде чем ее уничтожат.

— О великий Раций, о милосердная Вита, — пробормотала старуха Дарья. Ей уже исполнилось пятьдесят, и она была самой древней в нашей обители. — Я думала, дети сочиняют глупости, но это, и правда, вещь из Отделенного мира.

Когда я была маленькой, Отделенный мир представлялся мне эдакой деревушкой на окраине, отгороженной от Священных земель частым забором. Но когда нас впервые привели в эту пещеру и показали карту, нарисованную на потолке, я увидела, что Отделенный мир просто гигантский. Основную его часть занимал материк, похожий

на бабочку с горным хребтом вместо туловища, распростершую крылья с востока на запад. А Священные земли находились на юге, в хвосте «бабочки», и составляли лишь малую ее часть. Материк назывался Гедон, а весь мир целиком — Гедонис: в честь великого царя Гедона, который спас людей от гибели, убедив богов вернуться на землю и остановить Всеобщую войну.

Моего воображения не хватало, чтобы представить, насколько огромен Отделенный мир. Он расходился во все стороны песками пустынь, степями и болотами, стыл ледяными шапками полюсов, бурлил океанами, дробился на десятки архипелагов и тысячи мелких островов. Этот мир жил совсем не так, как наш, он развивался иначе. Там поющие коробки были обычным делом, но зато там никто не умел говорить с богами.

— Объяснись, — потребовал старый Маккин, наконец-то устроивший больные ноги на пуфе.

— Это был мой приказ, — сказала Ирида. — Мне пришлось нарушить Закон ради блага всего Гедониса.

Даже в полутьме пещеры я разглядела тревогу в глазах старших. За долгую минуту никто не произнес ни слова, и я понимала почему. Все мы задавались одним и тем же вопросом: какая беда могла заставить Первую преступить Закон, которому больше тысячи лет?

Говорящие никогда не выходили в Отделен-

ный мир и никогда-никогда-никогда не принимали и не привозили оттуда никаких вещей. Нашей задачей было сохранять Священные земли в том первоизданном виде, в каком их оставил Гедон. Мы, как его потомки, чтим традиции и жили жизнью наших предков столетиями, выражая тем самым почтение богам, чтобы они не оставили нас. Говорящие были созданы служить связующим звеном между Рацием и Витой и простыми людьми. Следуя заветам Гедона, мы защищали мир от войн и катастроф, и я не смогла найти ни одного оправдания поступку Ириды, рискнувшей всеобщим благом.

— Я не хотела говорить вам раньше времени, — сказала она, оглядев Совет. — Прежде я собиралась убедиться кое в чем, и эта вещь должна была мне помочь. Боги благословили меня использовать ее.

Она говорила тихо, но уверенно, и все успокоились, внимая ей. Я всегда восхищалась Иридой и часто представляла себя на ее месте. Не только потому, что мечтала однажды стать Первой, но и потому, что Ирида — та, кто родила меня.

Хотя все дети у нас считались общими, я точно знала, что появилась из живота Первой. Мы с ней были так похожи, что люди путали нас со спины, когда мы вместе купались в озере Спасенных. Мне передались от Ириды кудрявые темные волосы, обрамляющие голову пышной копной, жилистое тело, довольно светлая для нашего

народа кожа, на которой проступали веснушки; черные глаза, пухлые губы и крупноватый нос. Только лицо Ириды, которой исполнилось уже тридцать пять, было худое, с острыми скулами, а я в мои шестнадцать ненавидела свои круглые щеки и могла только мечтать о золотых татуировках Первой — ее губы и веки украшали блестящие узоры.

— Пророчество сбывается, — сказала Ирида, помолчав. — Великий Раций поведал мне, что появился человек, способный изгнать Богов. И что он уже вошел в силу.

Старуха Дарья положила ладони на каменный стол и стала биться о них лбом, причитая:

— Боги, не оставляйте нас! Не оставляйте!

У меня самой от этих слов так задрожали руки, что многочисленные браслеты на запястьях зазвенели, но за воплями Дарьи никому это не было слышно. Я не ожидала, что пророчество древних сбудется так скоро. Я думала, впереди целые тысячелетия, и надеялась, что на самом деле это чудовище никогда не придет. Потому что как может простой смертный изгнать богов? Что за кошмар он сотворит, чтобы заставить их снова уйти от нас? Если это произойдет, в мир вернется эпоха войн. Люди из Отделенного мира давно позабыли о ней, но мы, говорящие, хранили память о тех временах. Росписи внутри этой пещеры, нарисованные кровью, не давали нам забыть о битвах тысячелетней давности.

Я невольно взглянула на изображения безумных воинов, убивающих друг друга, и меня обдало жаром. Тело покрылось липким, как млечный сок, потом при мысли, что все это может повториться из-за одного-единственного человека.

— Кто он? — спросил Лихан, чья кожа была такой темной, что в полумраке я видела только яркие белки его глаз и зеленую накидку. — Сказали тебе Раций, кто этот человек и где его найти?

— Нет, — ответила Ирида. — Будь все так просто, он был бы уже мертв. Все, что я знаю о нем... Все, что великий Раций знает о нем, — это то, что наш враг имеет большое влияние и находится где-то в столице Отделенного мира. Я имею некоторые догадки на этот счет и хочу их проверить. — Она кивнула на говорящую коробку. — Эта вещь передает новости из Тизоя. Каждое утро и каждый вечер Орланд Эвкали выступает для народа, и его слова можно услышать отсюда. Я хочу больше знать о его образе мыслей и о том, подчиняется ли он нашим законам на самом деле.

Тизой — это столица Отделенного мира, а Орланд Эвкали — глава тамошнего Совета. Я знала об этом человеке немного. Только то, что, хотя Отделенный мир намного больше Священных земель, Орланд стоит на ступень ниже нашей Ириды, потому что обязан подчиняться говорящим.

— Что заставило тебя подозревать его? — прохрипел старый Маккин. — Он был избран народом, и народ любит его. Раций внутри моего

тела говорил с Рацием внутри его тела и убедился, что он хороший человек, который желает Гедонису лишь мира и процветания. Ты сама беседовала с ним, Ирида. И бог внутри тебя сказал то же самое, разве нет?

Я, затаив дыхание, смотрела на татуировки Первой — мерцающие черные узоры в виде дерева на ее руках и наполовину оголенной спине. Его ветви были живыми и двигались, медленно перетекая под кожей и меняя форму. То был Раций — бог мудрости. Мы носили его в своих телах и благодаря этому могли не только общаться с ним, но и узнавать через него сущности других людей.

— Две причины заставили меня сомневаться в нем. — В словах Ириды было столько гнева, что, казалось, воздух вибрировал от него. — Он передал мне предложения, столь дерзкие, что я даже не стала выносить их на Совет. Первое исходило от Министра автоматизации Рикарды.

Я глотала чужеродные слова, как маслины без косточек. Они неприятно резали слух, но мне предстояло запомнить их и научиться понимать, если я хотела однажды стать Первой. Отчасти поэтому я пробралась сегодня в Зал Совета — чтобы побольше узнать об Отделенном мире и хоть на волосок приблизиться к своей цели.

— Это та, что придумывает существ из железок для прислуживания людям? — уточнила Кари-Кари — самая молодая из старших говорящих.

— Она самая, — кивнула Ирида. — Под ее руководством создают много странных вещей, в том числе и протезы — механические руки и ноги для калек. Они работают с помощью напряжения оставшихся в культе мышц, но не слишком ловко. И Рикарда предложила другой способ управления протезами, чтобы люди могли владеть ими так, будто это настоящие части их тел.

— Звучит не так уж и плохо, — осторожно заметил Лихан, который по-прежнему казался мне зеленой накидкой с глазами. — Мы всегда поддерживали то, что улучшает жизнь людей и делает их счастливее, так почему это предложение настолько тебя возмутило, Ирида?

— Не предложение, — отрезала та, — но способ. Рикарда заявила, что для воплощения ее задумки мы должны создать новый вид капсульных носителей, помимо удольмеров и талаников.

Я мало знала о капсульных носителях, потому что говорящие ими не пользовались. Когда нам исполнялось десять лет, старшие делали нам небольшие надрезы, через которые Раций проникал под кожу и превращался в узор в форме дерева, а после постоянно путешествовал по телу. Так мы становились носящими и учились понимать бога и пользоваться его мудростью, а в шестнадцать лет проходили инициацию и с тех пор назывались младшими говорящими. Лучшие из нас могли со временем стать старшими и войти в Совет или даже возглавить его, как Первая.

В Отделенном мире все происходило совсем не так, потому что люди там не были благословлены богами, в отличие от нас. Они не умели говорить с Рацием, и их слабые тела, не укрепленные милосердной Витой, могли носить в себе бога лишь в небольшом количестве и не всю жизнь, а только до старости. Поэтому деревья там рисовали несмываемой краской на руках, а посредине стволов делали шкалу с десятью уровнями и помещали в нее Раций. Каждое дерево соответствовало фамилии человека, происходившей от вида деревьев, которые его предки выращивали, чтобы увеличить свою жизнь. Раций попадал в тело обычного человека не через надрез, а в специальной капсуле, чтобы его можно было однажды извлечь из тела. Таких капсульных носителей было два вида: удольмеры и таланики. Удольмеры помещали в запястье, и бог, заключенный в них, следил за тем, насколько человек счастлив, и наделял его за это соответствующим уровнем.

Но учитывалось только духовное удовольствие, чтобы люди не теряли моральный облик, потакая низменным потребностям. Чем выше был уровень, тем больше благ получал человек. А самых счастливых Раций наделял особыми дарами через таланики — второй вид капсул, которые вживляли в основание черепа. И если бог в удольмерах находился в носителе, только когда его помещали и вынимали из тела, то из талаников Раций выходил лишь ненадолго, а потом снова

прятался в капсулу, иначе люди умирали от его избытка в теле. Я иногда завидовала их дарам, потому что у нас, говорящих, дар был только один — понимать Раций.

— Что еще за новый вид носителей? — спросила Дарья, утирая слезы со сморщенных глаз. — Разве может существовать третий вид?

— Бионики. Так они это назвали. Раций в них должен передавать сигналы мозга искусственным конечностям, чтобы те работали напрямую от головы, как наши настоящие руки и ноги. — Ирида глубоко вдохнула и выдохнула раздражение. — Если говорить простыми словами — они хотят сделать из бога собачку на побегушках, которая будет подчиняться их приказам. Вот что они предложили.

— Ты должна была вынести это на Совет! — хлопнул по столу старый Маккин и закашлялся. — Почему ты скрыла столь возмутительное предложение, Ирида?

Та вздохнула снова.

— По той же причине, по какой ты сомневался в моих подозрениях минуту назад. Орланд Эвкали — единственный мост между нами и Отделенным миром. Изобретатели постоянно норовят протолкнуть через него свои бредовые затеи. Как бы Орланд ни был хорош, даже в лучший фильтр попадают соринки. Я решила, что он просто недосмотрел...

— Но? — грозно спросил Маккин.

— Было еще одно прошение. Личное. Орланд попросил разрешения на разработку машин, способных взлететь в небо и покинуть пределы Гедониса.

Моя кровь от гнева забурлила, словно молодое вино, играющее в бутылки.

— Как он только посмел! — выразил мою ярость всегда молчаливый гигант Тоур, ударив огромными ладонями по столу так, что, казалось, все в пещере задрожало.

— И этот человек стоит у власти! — возмутилась Ола, нервно глядя себя по круглому животу. — Подумать только! Зная, что боги пришли с Луны, он намерен добраться до нее? Куда подевались его рассудок и совесть?

— Какова была причина прошения? — спросил Лихан, как всегда, слишком спокойный в момент, когда всех вокруг объяло гневное пламя. Как остывший уголь, из которого уже не высечь искру, отметила я про себя, и такой же темный.

— Не помню толком, — призналась Ирида. — Я уничтожила то письмо, дабы не гневить богов... Кажется, он писал, что мы получим точные карты благодаря этим штуковинам, что сможем лучше предсказывать погоду, и все в таком духе.

Шум возмущения, поднявшийся за столом, долго не стихал.

— Но почему, — осторожно спросил Лихан, — бог не назвал Орланда тем самым человеком из пророчества? Почему ты сомневаешься